

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.232

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ
КАВКАЗА: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИЗОБРЕТЕННЫЕ
ТРАДИЦИИ****М.В. КИРЧАНОВ**

*Воронежский государственный университет
394000, г. Воронеж, Университетская пл. 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

Аннотация. Автор анализирует особенности исторической политики как политики памяти в четырех национальных республиках Кавказа – Чечне, Северной и Южной Осетии, Абхазии. Предполагается, что современная политика памяти стала продолжением националистических манипуляций с историей предшествующего периода потому, что историки играли важную роль в развитии модерновых национальных идентичностей. Анализ политики памяти может осуществляться на материале национальных исторических нарративов, но наиболее актуально его изучение в контексте функционирования изобретенных традиций (день республики, день независимости, день флага), которые актуализируют общественные формы и изменения исторической памяти. Показано, что историческая политика в Чечне, Абхазии, Северной и Южной Осетии развивается как политика продвижения государственных нарративов, государственного континуитета и неизбежности появления национальной государственности. Автор делает вывод, что этнические мотивы в современной политике памяти сравнительно маргинализированы и их значение по сравнению с 1990-ми годами снизилось. Этнические мотивы более заметны в абхазской и чеченской политиках памяти в то время, как осетинская историческая политика акцентирует идею государственности. В целом, автор полагает, что политики памяти в национальных республиках Кавказа имеют вторичный характер потому, что дублируют практики и стратегии исторического воображения, предложенные в исторических политиках Европы в целом и России в частности.

Ключевые слова. Политика памяти; Чечня; Осетия; Абхазия; национализм; идентичность; интеллектуалы; политический класс; изобретение традиций.

**HISTORICAL POLITICS IN THE NATIONAL REPUBLICS OF THE
CAUCASUS: COMMEMORATIVE PRACTICES AS INVENTED
TRADITIONS****M.W. KYRCHANOFF**

*Voronezh State University
394000, Voronezh, University Square 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

Abstract. The author analyzes the features of historical politics as a politics of memory in four national republics of the Caucasus – Chechnya, North and South Ossetia, Abkhazia. It is assumed that the modern politics of memory became a continuation of nationalist manipulations with the history of the previous period because historians played an important role in the development of modern national identities. An analysis of the politics of memory can be carried out on the basis of national historical narratives. Its study in the context of the functioning of invented traditions (Republic Day, Independence Day, Flag Day) actualize social forms and changes in historical memory. It is shown that the historical politics in Chechnya, Abkhazia, North and South Ossetia develop as a policy of promotion of state narratives, state continuity and the inevitability of the emergence of national statehood. The author concludes that ethnic motives in modern politics of memory are marginalized in comparison with other ones and their importance decreased from the 1990s. Ethnic motives are more visible in the Abkhaz and Chechen politics of memory, while Ossetian historical politics emphasizes the idea of statehood. In general, the author believes that the politics of memory in the national republics of the Caucasus have a secondary nature because they duplicate the practices and strategies of historical imagination proposed in the historical policies of Europe in general and Russia in particular.

Keywords: Politics of memory; Chechnya; Ossetia; Abkhazia; nationalism; identity; intellectuals; political class; invention of traditions.

Формулировка проблемы

Историческая наука и политика в начале XXI века, как и в предшествующие периоды своего существования, продолжают сохранять самые тесные связи. На национальном уровне между историей и политикой имеют место различные формы взаимного влияния и фактической взаимозависимости. Исторические исследования испытывали влияние со стороны политики и ранее, но новые тенденции в их взаимоотношениях стали заметны относительно недавно, в начале XXI столетия, когда стало возможным констатировать появление нового явления, известного как «историческая политика».

Актуальность

Анализ форм и проявлений исторической политики в современном мире принадлежит к числу актуальных задач для современной историографии. Современные стратегии использования истории для легитимации политических процессов и состояний, которыми пользуются как государства в целом, так и отдельные социальные акторы в частности характеризуются значительной степенью гетерогенности. История, точнее политически и идеологически мотивированные ее интерпретации, заняли прочное место в новостной повестке значительного числа средств массовой информации. Различные интерпретации одних и тех же фактов прошлого становятся причинами для обострения двухсторонних отношений. В этой ситуации национальные государства могут предлагать взаимоисключающие версии истории. Особый случай представляют республики Северного Кавказа, прошедшие через опыт «суверенизации», а иногда де-факто независимости в 1990-е гг. (в частности, Чечня и Северная Осетия), а также получившие независимость, но не признанные в полной мере международным сообществом республики Южного Кавказа – Абхазия и

Южная Осетия. Общим для них является отсутствие непрерывной традиции самостоятельного государственно-политического развития, что повышает значимость факторов этничности и истории в их самоидентификации. А различные итоги постсоветского развития актуализируют разные способы легитимации их современного политического статуса, что служит основой дифференциации форм исторической политики.

Цель и задачи статьи

Целью статьи является анализ форм и проявлений исторической политики как политики памяти, которые используются политическими и интеллектуальными элитами двух субъектов Российской Федерации (Чеченская Республика = Нохчийн Республика и Республика Северная Осетия – Алания = Республикæ Цæгат Ирыстон – Алани) и двух частично признанных государств (Республика Южная Осетия = Республикæ Хуссар Ирыстон и Республика Абхазия = Апсны Ахæбынтқарра). Поэтому, в качестве задач статьи следует определить – выяснение связи националистического дискурса и особенностей развития исторической памяти; анализ коммеморативных мероприятий региональных элит, политических и гражданских ритуалов и церемоний как форм политики памяти; выявление общих закономерностей и национальных особенностей исторических политик в изучаемых регионах.

Историография

Историческая политика, как политическое и интеллектуальное явление, возникает в 2000-е годы. Проблемам исторической политики как политики памяти [Булахтин 2019: 449-458; Историческая... 2012] посвящено определенное количество исследований, но большинство из них географически сфокусированы на странах Европы [Галкина 2019: 66-75], Америки [Кирчанов 2017: 63-75] или Азии [Кирчанов 2019: 64-74], а регионы многосоставных обществ и территории со спорным статусом как инициаторы своих собственных версий проведения исторической политики изучены в меньшей степени. Те немногочисленные тексты, которые посвящены проработке прошлого в субъектах РФ [Иванеско, Урушадзе 2018: 186-190], сфокусированы, как правило, на анализе нарративных источников, а изобретенные традиции – публичные ритуалы и коммеморативные практики – остаются в тени.

Историческая политика может быть интерпретирована как одно из последствий влияния национализма на исторические исследования. Комментируя роль историков в развитии национализма, британский социолог Э. Смит подчеркивает, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования» [Smith 1992: 59]. Националистические манипуляции историей в течение длительного времени пребывали в тени других сюжетов, пока не эволюционировали до состояния известного как историческая политика. В большинстве исследований по исторической политике она анализируется через призму транслирования нарративов, цензурирования памяти, маргинализации и

принудительного или добровольного забывания тех или иных событий, которые травмируют историческую память или неприятны для правящих элит в силу политической конъюнктуры. Эта статья отличается от других исследований, сфокусированных на исторической политике тем, что проблемы политики памяти анализируются в контекстах изобретенных традиций как публичных ритуалов, которые в той или иной степени содействуют коммеморации исторических фактов и актуализации исторического наследия в современных обществах.

Историческая политика как политика памяти – современная форма государственной проработки прошлого

Единого определения исторической политики в научной литературе не существует, хотя в исследовательском сообществе относительно этого явления существует неформальный компромисс, основные положения которого могут быть сведены к следующему: традиционные институты контроля и влияния на историографию (например, цензура), которые были вполне действенны в XIX и XX веках, в XXI столетии постепенно утрачивают свою эффективность; число акторов производства и воспроизводства знания о прошлом, в сравнении с прошлыми веками, значительно возросло и наряду с профессиональными историками в этот процесс оказались втянуты политические, культурные и прочие общественные активисты; государство начинает воспринимать историю как политический ресурс и использовать факты исторического прошлого для решения своих собственных задач, включая политическую мобилизацию и консолидацию; традиционные академические институты оказываются в современной ситуации не столь эффективными – поэтому, государство становится инициатором создания новых специальных институтов, сфокусированных на работе с исторической памятью; традиционные формы транслирования исторического знания (среднее и высшее образование, научно-популярные фильмы, популярная и научная литература) утрачивают свое значение в конкуренции с изобретенными традициями как социальными и культурными ритуалами, призванными активизировать историческую память – поэтому, гражданско-политические установленные государством дни становятся формами гражданских церемоний, актуализирующими историческую память.

В историографии все эти особенности (с различными вариациями в зависимости от национальной ситуации), как правило, проецируются на исторические политики или политики памяти в странах Центральной, Восточной или Западной Европы, но автор статьи полагает, что все описанные выше стратегии могут использоваться не только национальными государствами, но и теми группами, которые существуют в рамках многосоставных обществ, например – республиками в составе современной Российской Федерации. Кроме этого, свои формы исторической политики как политика памяти могут практиковать и непризнанные или частично признанные государства.

Памятные дни как формы исторической политики памяти

Если для советской историографии как предшественницы исторических штудий в изучаемых регионах были характерны «крайняя политизация историографии», «монополизация историографического производства», «высокая степень политизации исторических дебатов» [Куско, Таки 2003: 492], то для постсоветского этапа было совершенно естественно использование истории для легитимации политических состояний, что привело к возникновению политики памяти. Важной изобретенной традицией в исторической политике изучаемых регионов следует признать Дни Республики – политические церемонии и ритуалы, призванные актуализировать и визуализировать соответствующие идентичности – ставшие фактически формой политики памяти. В Чеченской Республике советуемый праздник установлен в 2002 году по инициативе Президента Ахмата Кадырова. В этой дате примечательной является борьба различных версий исторической памяти – ранее 6 сентября имело статус Дня независимости Ичкерии – проекта, который в значительной степени представлял собой альтернативу современной Чеченской Республике. Альтернативность официальной версии исторической политики актуализируется и во втором названии праздника – «День гражданского согласия и единения». День Республики Северная Осетия-Алания (с 1995 года отмечается в третье воскресенье октября) был учрежден по инициативе Президента Республики Ахсарбека Галазова, но в отличие от других национальных субъектов Российской Федерации эта политическая традиция не апеллирует к государственному опыту в историческом наследии.

Если другие субъекты Федерации в Днях республик стремятся символически актуализировать политический опыт независимого развития или претензии на таковое, то осетинские интеллектуалы, легитимируя необходимость дня республики, попытались продемонстрировать лояльность Российской Федерации, настаивая, что День Республики знаменует соединение Северной Осетии и России. Южная Осетия (29 мая – День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия, 26 августа – День признания Россией независимости Южной Осетии, 20 сентября – День независимости Южной Осетии) и Абхазия (30 сентября – День освобождения Республики Абхазия, 23 июля – День Флага Республики) более свободны в своих попытках актуализировать концепт «независимости» в контекстах гражданских праздников, аналогичным Дням Республики в субъектах РФ.

Маргинализация этничности и продвижение концептов государственности: противоречия осетинской политики памяти

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что «великие времена историографии наступают во время распада империй... до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории» [Линднер 1997: 114], что сопровождается не только активизацией исторических дискуссий, но и более активным вмешательством государства в вопросы исторической памяти. Изменение

интерпретаций событий прошлого существенно расширило не только сам круг их объяснений, а также число акторов, вовлеченных в рефлексии относительно истории и сам механизм артикуляции исторического знания. В подобной ситуации особую важность обретают государственно санкционированные мероприятия, связанные с актуализацией коллективных представлений о прошлом. Празднование Дня Республики в Северной Осетии воспроизводит в большей степени государственные изобретенные традиции. В 2018 году политические элиты Северной Осетии соединили празднование Дня Республики с Днем города¹, а в 2019 году к этим мероприятиям добавили и 245-летие присоединения Осетии к России², что свидетельствовало о стремлении актуализировать как лояльность России, так и ограниченно использовать этнический потенциал. Акцентировка осетинской этничности в период проведения Дней Республики минимизируется до организации мероприятий, посвященных осетинской кухне, включая дегустацию пирогов и пива³.

В политическом календаре Южной Осетии существуют День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия (29 мая) и День независимости Южной Осетии (20 сентября). Эти два дня ознаменованы проведением различных коммеморативных мероприятий, что подтверждает заинтересованность политических элит в использовании фактов прошлого с целью как актуализации идей независимости, так и для визуализации и укрепления национальной идентичности. День независимости Южной Осетии, если принимать во внимание алгоритм его проведения, представляет собой типичный постсоветский праздник с минимальными попытками актуализации этнической и культурной специфики региона, что компенсируется официальными мероприятиями и военным парадом⁴. Но в 2019 году власти республики решили совместить с Днем независимости VI Международный национально-культурный фестиваль «Ирон баганы-2019»⁵, что свидетельствует о ситуативном и непоследовательном использовании

¹ 24 сентября во Владикавказе отметят День Республики и День города // Официальный сайт муниципального образования г. Владикавказ. URL: <http://www.vladikavkaz-osetia.ru/news/37848/> (дата обращения: 5.01.2020)

² Северная Осетия отмечает День республики и города Владикавказа // Официальный сайт Государственного автономного учреждения Республики Северная Осетия-Алания «Национальная телекомпания “Осетия-Ирыстон”». URL: <https://iryston.tv/ru/severnaya-osetiya-otmechaet-den-goroda-i-den-respubliki/> (дата обращения: 5.01.2020)

³ Северная Осетия отметит День республики // Официальный сайт Государственного автономного учреждения Республики Северная Осетия-Алания «Национальная телекомпания “Осетия-Ирыстон”». URL: <https://iryston.tv/ru/severnaya-osetiya-otmetit-den-respubliki/> (дата обращения: 5.01.2020)

⁴ Айриян Н. День республики в Южной Осетии отметили военным парадом с боевой техникой // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190920/9297817/Den-respubliki-v-Yuzhnoy-Osetii-otmetili-voennym-paradom-s-uchastiem-boevoy-tekhniki.html (дата обращения: 5.01.2020)

⁵ Айриян Н. Южная Осетия отмечает День Республики // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190920/9297767/Yuzhnaya-Osetiya-otmechaet-Den-respubliki-.html (дата обращения: 5.01.2020)

потенциала этничности в современной осетинской политике памяти как публичном воспроизводстве изобретенных традиций.

По мнению украинского историка Я. Грицака, в ряде постсоветских историографий «преобладание национальной парадигмы... можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке» [Грицак 2003: 444]. В случае анализируемых регионов этно-национальная парадигма явно проигрывает государственной, которая стала фактором, определяющим основные векторы функционирования политики памяти. День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия на современном этапе фактически стал изобретенной политической традицией, а выступление президента может быть определено как попытка предложить официально санкционированный нарратив для написания новейшей истории.

День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия в гражданском календаре региона позиционируется как преимущественно политический праздник, а представители элит не используют потенциал осетинской этничности, предпочитая оперировать политическими лозунгами, активно используя именно «государственные» нарративы¹, что сочетается с попытками формирования негативного образа грузин. Например, в 2017 году Президент Республики Южная Осетия, выступая на торжественном собрании, посвященном 26-й годовщине принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия, подчеркивал, что «для Грузии свобода и независимость означают, прежде всего, возможность свободно подавлять другие народы. Так уже было в 1918-1920 годах, когда объявившая о своей независимости Грузинская Демократическая Республика организовала геноцид осетин»². В целом, этот нарратив, с одной стороны, вписывается в те этноцентристские версии исторического воображения, которые доминируют среди осетинских интеллектуалов, а с другой, свидетельствует, что политика памяти в осетинском случае является политикой, направленной на актуализацию образов Другости в политическом воображении.

Политические элиты как форматоры повестки дня политики памяти

Примечательно и то, что форматорами исторической политики становятся не профессиональные историки, а действующие политики. Это кажется естественным и неизбежным, когда речь идет о включении в историческое сознание общества современного исторического опыта. Но

¹ Бибилов А. Акт провозглашения независимости закрепил правовое оформление суверенной государственности Республики Южная Осетия // Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. URL: <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-akt-provozglasheniya-nezavisimosti-okonchatelno-zakrepil-pravovoe-oformlenie-suverennoj-gosudarstvennosti-respubliki-yuzhnaya-oseiya/> (дата обращения: 5.01.2020)

² Бибилов А. Выступление на торжественном собрании, посвященном 26-й годовщине принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия // Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. URL: <https://presidentruo.org/vystuplenie-na-torzhestvennom-sobranii-posvyashhennom-26-j-godovshhine-prinyatiya-akta-provozglasheniya-nezavisimosti-respubliki-yuzhnaya-oseiya/> (дата обращения: 5.01.2020)

исследователи проблем постсоветской эволюции национальных историографий обращают внимание на то, что в этих условиях история начинает напрямую обслуживать политический интерес элит и даже говорят о сервильном характере истории как науки в подобных обществах. Постсоветские интеллигенции, как полагает австрийский исследователь постсоветской белорусской историографии Р. Линднер, столкнулись с кризисом написания истории [Lindner 1999: 645], что в ряде случаев привело к переходу инициативы в руки политиков. То же самое констатирует современный украинский историк Я. Грицак, указывая, что «после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [Hrytsak 2004: 230], но в некоторых регионах подобные манипуляции сравнительно быстро переросли в политику памяти, что привело к утрате интеллектуалами формальной независимости, превратив их в агентов исторической политики. По оценке российских исследователей исторического сознания Г. Бордюгова и В. Бухараева в национальных субъектах Российской Федерации истории, сотворяемые с позиций локальных этноцентризмов, мобилизуются для идейного и культурного обеспечения «суверенизации» и здесь «сервильность историков не требует особых комментариев» [Бордюгов, Бухарев 2003. С. 63].

Действительно, исторические формулы для интерпретации недавних событий зачастую предлагают политики. Например, 29 мая 2019 года А. Бибилов констатировал, что «двадцать семь лет минуло с того судьбоносного дня, когда Южная Осетия сделала свой бесповоротный и окончательный выбор. Воля народа, выраженная на референдуме и закрепленная в принятом депутатами легендарного первого созыва Акте о провозглашении государственной независимости, определила ход всей дальнейшей истории нашей республики»¹.

Спикер парламента Южной Осетии Петр Гассиев в День принятия Акта провозглашения независимости Республики в 2019 году актуализировал нарратив жертвенности, утверждая, что «в условиях вооруженной грузинской агрессии жестко встал вопрос о создании собственного независимого государства, которое бы защитило наш народ от физического и культурного истребления»² и формируя, тем самым, образ нации-жертвы. Политические элиты Южной Осетии активно используют День принятия Акта провозглашения независимости как для актуализации антигрузинского, так и пророссийского нарративов в историческом воображении, подчёркивая, что «Южная Осетия никогда не признает над собой юрисдикцию Грузии. Мир на землю Южной Осетии в июне 1992 года принесла Россия. Руководство страны

¹ Габараева Э. Судьбоносный день: в Цхинвале отметили годовщину провозглашения независимости // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8698712/Sudbonosnyy-den-v-Tskhinvale-otmetili-godovschinu-provozglasheniya-nezavisimosti-.html (дата обращения: 5.01.2020)

² Габараева Э. Спикер парламента Южной Осетии: Акт о независимости был продиктован суровой реальностью // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8696618/Spiker-parlamenta-Yuzhnoy-OsetiiAkt-o-nezavisimosti-byi-prodiktovan-surovoy-realnostyu.html (дата обращения: 5.01.2020)

отчетливо видело, какие угрозы для мира и стабильности на Кавказе несет грузинская агрессия»¹.

Подобные пассажи в выступлениях первых лиц государства свидетельствуют о развитии современной осетинской идентичности между приоритетами этничности и идеями политической (гражданской) нации. С одной стороны, они фиксируют значительную роль этнического национализма в регионе; с другой – указывают на незавершенность процессов национальной и государственной консолидации Осетии как сообщества, нуждающегося во внешней гарантии своей государственности, потому что обретение независимого статуса было обеспечено поддержкой России. Именно отсюда проистекают апелляции к авторитету соседнего государства, что фактически свидетельствует о готовности осетинских элит играть второстепенные или подчиненные роли. Поэтому, День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия активно используется как для продвижения идей юго-осетинской государственности при условии незначительной актуализации потенциала этничности. Например, в 2019 году в День принятия Акта провозглашения независимости в Цхинвале в присутствии президента Южной Осетии Анатолия Бибилова и главы Северной Осетии Вячеслава Битарова² был открыт бюст первого руководителя Республики Тореза Кулумбегова³, что стало попыткой актуализировать роль политики памяти как инструмента в визуализации и актуализации идей политической и государственной преемственности и непрерывности.

Государственные нарративы в политике памяти: Абхазия

День освобождения столицы Абхазии (27 сентября), День Победы и Независимости (30 сентября), День Государственного флага Абхазии (23 июля) являются изобретенными традициями, которые используются абхазскими элитами в проведении исторической политики. Эти праздники как изобретенные традиции имеют принципиальное значение для актуализации исторических форм абхазской идентичности, а также абхазского национального движения, потому что неизбежно актуализируют негативные образы Грузии как универсального коллективного другого. В этом отношении политика памяти в Абхазии, в отличие от других регионов, анализируемых в этой статье, имеет более ярко выраженные этнические основания, но, в целом, и она направлена на продвижение государственных нарративов. Поэтому политика

¹ Габараева Э. Судьбоносный день: в Цхинвале отметили годовщину провозглашения независимости // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8698712/Sudbonosnyy-den-v-Tskhinvale-otmetili-godovschinu-provozglasheniya-nezavisimosti-.html (дата обращения: 5.01.2020)

² Келехсаева И. День рождения республики // Официальный сайт Радио «Эхо Кавказа». URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/29970910.html> (дата обращения: 5.01.2020)

³ Айриян Н. Южная Осетия отмечает годовщину провозглашения независимости // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8693950/Yuzhnaya-Osetiya-otmechaet-godovschinu-provozglasheniya-nezavisimosti.html (дата обращения: 5.01.2020)

памяти и историография, таким образом, имеет свои «концептуальные изъяны» [Усманова 2003: 343], поскольку первая сконцентрирована на продвижении государственных нарративов в то время, как этнические мотивы идентичности пребывают в тени, оставаясь приоритетом историографии в ее академическом понимании.

Кроме этого, памятные дни в современной Абхазии актуализируют связь между исторической памятью и попытками ее монументализации, так как в День освобождения и День Победы практикуется возложение венков в тем памятникам¹, которые были воздвигнуты в 1990-2000-е годы для институционализации абхазской версии исторической памяти. Абхазская идентичность становится более заметной в период проведения Дня флага². Абхазские националисты констатируют, что «флаг символизирует основные этапы развития государственности абхазского народа – одного из древнейших коренных этносов Кавказа»³. Эти дни дают также возможность актуализировать этничность⁴ в контекстах тех ассимиляционных потерь, которые абхазы понесли в 20 веке. В целом же, этнические измерения в абхазской политике памяти актуализируются в меньшей степени чем государственные нарративы, а этническое в коммеморативные дни проявляется только в тех мероприятиях, которые сфокусированы на этнографических деталях, например, на кухне⁵ как части абхазской идентичности.

Взаимоотношения между этничностью и национальной государственностью обусловлены историко-политическим контекстом. Как полагает российский историк В.А. Шнирельман: «В эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [Шнирельман 2003: 18]. В периоды же постсоветской политической нестабильности на статус основного героя истории в ее формально

¹ Как Абхазия отметит День Победы // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/longreads/20190925/1028484780/Karta-prazdnovaniya-kak-Abkhaziya-otmetit-Den-Pobedy.html> (дата обращения: 6.01.2020)

² День Флага Республики Абхазия // Официальный сайт Посольства Республики Абхазия в РФ. URL: http://www.emb-abkhazia.ru/novosti/den_flaga_respubliki_abhaziya1/ (дата обращения: 6.01.2020)

³ 23 июля – День Государственного флага Республики Абхазия // Государственное информационное агентство Республики Абхазия: сайт. URL: <http://www.apsnypress.info/news/23-iyulya-den-gosudarstvennogo-flaga-respubliki-abkhaziya/> (дата обращения: 6.01.2020)

⁴ Море символов: День флага в Абхазии // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/photo/20190724/1028014215/More-simvolov-Den-flaga-v-Abkhazii.html> (дата обращения: 6.01.2020)

⁵ Песни, танцы и национальная кухня: выставка сельхозпродукции открылась в Сухуме // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20180826/1024809389/vystavka-selxozprodukcii-otkrylas-v-suxume.html> (дата обращения: 6.01.2020)

национальной версии начинает претендовать государство, воображаемое как основная цель развития национальной истории. Поэтому, историческая политика в зонах проблемной государственности особое внимание уделяет именно государственным сюжетам. Написание истории как истории государства воспринимается в таких обществах как восстановление исторической справедливости. В подобной ситуации идея государственности становится мифом. Поэтому, история становится «конструкцией в значительной степени мифической в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем» [Friedman 2001: 42].

Так, государственные праздники Абхазии стали важным инструментом в актуализации исторической памяти как попытки подчеркнуть континуитет и непрерывность абхазской государственной традиции, что проявляется в возложении цветов к Мемориалу первого президента республики Владислава Ардзинба в Эшере¹. День освобождения столицы Абхазии² позиционируется как одновременно государственный и этнический праздник в силу того, что 27 сентября стало шагом к ликвидации грузинской угрозы и к укреплению абхазской государственности. Коммеморативные практики в День освобождения сводятся к воспроизводству нарратива об абхазском движении как национальном и освободительном³, что, в свою очередь, актуализирует негативные образы Грузии. День освобождения столицы представляет собой и форму национальной коммеморации в силу того, что в Абхазии сложилась традиция открытия в этот день мемориальных досок⁴ тем участникам формирований, которые воевали против грузинских войск. В целом, абхазская историческая политика как политика памяти актуализирует одновременно этнические и политические (государственные) нарративы, но вторые, как и в других изучаемых регионах, явно превалируют над первыми.

Государственность как консолидирующий нарратив в травмированной памяти: проблемы исторической политики в Чечне

Российский историк П. Варнавский заметил, что «концептуальные противоречия между националистически настроенной интеллигенцией и

¹ Юбилей признания: память первых президентов почтили в Абхазии // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20180826/1024808961/pamyat-pervyx-prezidentov-pochtili-v-abxazii.html> (дата обращения: 6.01.2020)

² 27 сентября – День освобождения столицы Абхазии – Сухума! // Государственное информационное агентство Республики Абхазия: сайт. URL: <http://www.apsnypress.info/news/27-sentyabrya-den-osvobozhdeniya-stolitsy-abkhazii-sukhuma/> (дата обращения: 6.01.2020)

³ За свободу и справедливость: День Победы отмечают в Абхазии // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190930/1028516080/Den-Pobedy-i-Nezavisimosti-otmechayut-v-Abkhazii-30-sentyabrya.html> (дата обращения: 6.01.2020)

⁴ День освобождения Сухума // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190929/1028509936/Sputnik-nedeli-Den-osvobozhdeniya-Sukhuma-modernizatsiya-armii-i-sud.html> (дата обращения: 6.01.2020)

сторонниками коммунистической доктрины» [Варнавский 2003: 150] были важным фактором развития исторического знания в советский период. В постсоветских историографиях коммунистическая идея была заменена национальной или ее различными модификациями, одной из которых может быть определен примат национальной государственности. Поэтому историческая политика в изучаемых регионах развивается в условиях противоречий между сторонниками государственной парадигмы и ее этнически ориентированными оппонентами, которые оказываются на периферии современной историографии.

Несколько иначе складываются отношения «государственнической» и этнически ориентированной стратегий политики памяти в современной Чечне. День Республики стал важной изобретенной традицией, которая имеет непосредственное отношение к реализации политики памяти в силу того, что праздник, отмечаемый в современной Чеченской Республике, фактически стал альтернативой другой изобретенной политической традиции, которая актуализировала идеи государственной независимости Ичкерии в 1990-е годы. Но в то же время коммеморативные практики в рамках политики памяти в современной Чечне характеризуются попытками синтеза государственной и этнической компоненты. В этом контексте историческая политика в Чечне актуализируется именно как политика памяти, направленная как на продвижение идеи о наличии древней истории, так и на постоянной работе памяти или «проработке прошлого», что проявляется в попытках компенсировать историческую трагедию двух войн государственными нарративами. Например, чеченский историк и этнограф Лейчий Гарсаев полагает, что «наш край на протяжении многих веков делали набеги скифы, сарматы, гунны, печенеги, половцы, монголы, татары... в новейшее время мы на себе испытали две чудовищные военные кампании»¹.

Если в начале 2000-х годов в Чечне имели место попытки параллельных коммемораций², то к середине первого десятилетия XXI века культурный и интеллектуальный дискурс окончательно перешел под контроль властей, что исключило альтернативные формы исторической памяти, фактически маргинализировав их. При этом, особенностью современно политики памяти в Чечне является ее персонификация. Публичный дискурс насыщен формулами героизации прошлого, глорификации первого президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Кадырова³ и современного главы Республики

¹ Гарсаев Л. День гражданского согласия и единения – один из важнейших праздников для всех народов Чечни // Информационное агентство Чеченской Республики «Грозный-информ»: сайт. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/express/112191/> (дата обращения: 6.01.2020)

² Хасанов М. В Чечне отмечается день республики // Радио «Свобода»: сайт. URL: <https://www.svoboda.org/a/24185375.html> (дата обращения: 6.01.2020)

³ 6 сентября – день Чеченской Республики // Официальный сайт Чеченской Государственной Телерадиокомпании «Грозный». URL: <https://grozny.tv/news.php?id=22332> (дата обращения: 6.01.2020)

Рамзана Кадырова¹, что связано со спецификой развития регионального политического режима. В этой ситуации сам концепт «государственность» в значительной степени становится персонифицированным, так как начинает соотноситься с образом первого президента Республики Ахмата-Хаджи Кадырова².

Кроме этого, историческая политика в современной Чеченской Республике с внешней стороны демонстрирует свой вторичный характер, так как ее форматоры склонны ретранслировать общероссийские нарративы, трансплантируя их в чеченские контексты. В определенной степени эта ситуация в исторической политике ЧР является отражением попыток радикального демонтажа тех элементов и проявлений исторической памяти, которые могли сохраниться от того периода, когда политический и культурный дискурс в регионе контролировали сторонники сепаратизма. В официальном поздравлении главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова (2012 г.), подчеркивалось, что «День Республики – это подлинно общенародный праздник всего многонационального чеченского народа»³. Эта попытка трансплантации общероссийского политического клише в региональные контексты, которые характеризуются значительными особенностями, отразила влияние общероссийского политико-идеологического дискурса.

Анализ церемоний проведения Дня Республике в Чечне обнаруживает их двойственную природу. С одной стороны, очевиден их в значительной степени вторичный характер в силу того, что политический ритуал организации мероприятий копирует общероссийские клише. Однако с другой стороны, степень национализации режима и масштабы использования языка в Чеченской Республике крайне сложно сравнимы с другими субъектами РФ. Поэтому, в данной ситуации формально денационализированный характер государственных праздников как формы политики памяти компенсируется национализацией жизни других сфер жизни республики.

Предварительные итоги и перспективы исследования

Подводя итоги статьи, следует констатировать сложный характер рассматриваемого феномена. Траектории развития исторической политики как политики памяти, равно как и формы артикуляции и визуализации национальных идентичностей в общественном и культурном пространстве в Чечни, Северной и Южной Осетии, Абхазии определяются комплексом факторов исторического и современного, внутреннего и внешнего происхождения.

¹ В Чечне празднуют День гражданского согласия и единения // Информационное агентство «Regnum»: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/society/2710928.html> (дата обращения: 6 января 2020)

² Межиев А. День Республики // ИА «Чечня Сегодня»: сайт. URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/274823> (дата обращения: 6.01.2020)

³ Чечня отметила День Республики // Интернет-портал «Российской газеты»: сайт. URL: <https://rg.ru/2012/09/06/reg-skfo/den-anons.html> (дата обращения: 6.01.2020)

Историческая политика как политика памяти в изучаемых регионах связана с особенностями взаимодействия их социально-культурной динамики и национального развития. Начало модернизации и трансформации традиционных сообществ в современные политические нации не было подготовлено здесь предшествующей внутренней эволюцией. Этап консолидации наций фактически совпал с радикальной и насильственной советской модернизацией. Хотя этот процесс сопровождался ломкой этносоциальной традиции, социальными и культурными разрывами и провалами, ставшими результатом внешнего воздействия, одновременно складывались национальные идентичности, национальные интеллектуальные сообщества и национальные версии истории. Это стало результатом внедрения государственно-политических институтов поддержания национальных идентичностей и рационализированных механизмов этнокультурного воспроизводства через науку и образование.

Формирование национальных версий истории одновременно с процессами национального строительства привело к тому, что этнический национализм стал важным фактором развития исторического воображения. Советская политика идеологизации и политизации исторического знания только отсрочила его национализацию и этнизацию, которые состоялись уже в постсоветский период. Процессы политического транзита в постсоветский период сопровождались всеобщим кризисом идентичности. В этих условиях, этничность актуализировалась как наиболее устойчивая и надежная основа личной и групповой самоидентификации на Северном Кавказе. А отсутствие у местных народов и обществ региона преемственной традиции государственно-политического развития и сформированных в ее рамках конституционных систем, политических и правовых принципов, превратило историю в базис попыток легитимации своих политических притязаний. Неизбежной стала существенная политизация исторической науки, воспринявшей прямые функции обслуживания национально-политических интересов. Именно этот комплекс факторов predetermined как генезис, так и последующее развитие исторической политики в изучаемых регионах.

Историческая политика или политика памяти в современных национальных регионах Кавказа стала фактически вторичным интеллектуальным продуктом. Ее следует оценивать в контексте генезиса и институционализации исторической политики в России. Российская Федерация, в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, стала несколько позже использовать формы политики памяти. Но и российские политические элиты, хотя и с определенным опозданием, начали манипулировать историей. Историческая политика как политика памяти в Северной и Южной Осетии, Чечне, Абхазии может быть интерпретирована и описана в категориях продолжения российской исторической политики в целом как попытка ее трансплантации в региональные и национальные контексты. Кроме этого, анализируя особенности генезиса политики памяти в изучаемых регионах, во внимание следует принимать и другие интеллектуальные стимулы. Осознание потенциала манипуляций с исторической памятью и важности ее интеграции в

государственно контролируемый канон исторического воображения в национальных регионах РФ происходило неравномерно. В некоторых поволжских республиках, таких как Татарстан, Башкирия, Чувашия это произошло раньше. В отношении Чечни и Северной Осетии можно предположить, что местные интеллектуалы и власти ориентировались на опыт названных регионов даже при отсутствии прямых контактов и влияний. Относительно Южной Осетии и Абхазии можно предположить влияние со стороны грузинской исторической политики в силу того, что политические и интеллектуальные элиты Грузии достаточно успешно и целенаправленно манипулируют исторической памятью.

Политика памяти в изучаемых регионах не имеет институционального оформления, что существенно отличает ее от аналогичных процессов и явлений в странах Центральной и Восточной Европы, где созданы и функционируют специализированные Институты национальной памяти или комиссии историков и других политически мотивированных и идеологически ангажированных интеллектуалов, призванных формировать и воспроизводить официальный канон исторической памяти, критикуя и осуждая те ее варианты, которые не могут быть интегрированы в ее официальную, компромиссную версию. Институты национальной памяти, комиссии или комитеты профессиональных историков или близких к ним интеллектуалов фактически отсутствуют в Чечне, Северной и Южной Осетии, а также в Абхазии, что может быть объяснено особенностями развития местных региональных академических исторических сообществ. Здесь не успели утвердиться формальные принципы академических свобод, гарантирующих независимость научного сообщества и его свободу от политико-административного давления.

Вместе с тем, в реализацию исторической политики как политики памяти одновременно вовлечены самые различные акторы, что позволяет определять гетерогенность как основную характеристику политики памяти в Чечне, Осетии и Абхазии. Наряду с университетами, в которых существуют исторические факультеты, а также специализированными академическими и исследовательскими институциями, которые должны действовать в рамках административных правил и профессиональных стандартов, в политику памяти вовлечены и национальные активисты, которые не ограничены формальными рамками и стандартами. Эти акторы исторической политики формируют разные интерпретации истории и разные формы ее общественной актуализации, которые могут варьироваться от компромиссного официального канона до этно-центричных версий национальных исторических нарративов.

Отсутствие реального суверенитета изучаемых регионов самым существенным образом влияет на формы проявления исторической политики как политики памяти – ни Осетия, ни Чечня, ни Абхазия не могут позволить себе проводить историческую политику в стиле, например, Польши или Украины. Поддержание и развитие и национальной идентичности в этих регионах в большей степени связано с воспроизводством их социальной и культурной специфики – поэтому дискурс исторической политики как

политики памяти из сферы реальной политики сместился в сферу культуры и символически значимых коммуникаций.

Отмеченные обстоятельства, с одной стороны, определяют основные особенности исторической политики как политики памяти в рассматриваемых регионах, а, с другой, свидетельствуют о необходимости их дальнейшего изучения в междисциплинарной перспективе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бордюгов, Бухарев 2003 – *Бордюгов Г., Бухарев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 21-72.

Булахтин 2019 – *Булахтин М.А.* Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 449-458. DOI: [10.35634/2587-9030-2019-3-4-449-458](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-4-449-458)

Варнаровский 2003 – *Варнаровский П.* Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 149-176. DOI: [10.1353/imp.2003.0074](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0074)

Галкина 2019 – *Галкина Ю.М.* Коммеморативные практики пятидесятилетия первой мировой войны во Франции (1964-1968) // *Клио*. – 2019. – № 8 (152). – С. 66-75.

Грицак 2003 – *Грицак Я.* Украинская историография. 1991-2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. – 2003. – № 2. – С. 423-454. DOI: [10.1353/imp.2003.0084](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0084)

Иванеско, Урушадзе 2018 – *Иванеско А.Е., Урушадзе А.Т.* Past indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе // *Новое прошлое. The New Past*. – 2018. – № 3. – С. 186-190. DOI: <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190>

Историческая... 2012 – *Историческая политика XXI века: сборник статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана.* – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.

Кирчанов 2017 – *Кирчанов М.В.* Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. – 2017. – № 12 (576). – С. 63-75.

Кирчанов 2019 – *Кирчанов М.В.* Тюркизм как парадигма турецкой исторической политики // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. – 2019. – № 4 (21). – С. 64-74.

Куско, Таки 2003 – *Куско А., Таки В.* «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485-495. DOI: [10.1353/imp.2003.0100](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0100)

Лінднер 1997 – *Лінднер Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // *Беларусіка. Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 114-118.

Усманова 2003 – *Усманова Д.* Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. – 2003. – № 3. – С. 337-360. DOI: [10.1353/imp.2003.0072](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0072)

Шнирельман 2003 – *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.

Friedman 2001 – *Friedman J.* History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41-62.

Hrytsak 2004 – *Hrytsak Y.* On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – P. 229-254. DOI: [10.1353/imp.2004.0033](https://doi.org/10.1353/imp.2004.0033)

Lindner 1999 – *Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // *Nationalities Papers*. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631-647. DOI: <https://doi.org/10.1080/009059999108867>

Smith 1992 – *Smith A.D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – Vol. 33. – Iss. 1-2. – P. 58-80. DOI: <https://doi.org/10.1163/002071592X00059>*

REFERENCES

BORDIUGOV G., BUHAREV V. *Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetskogo vremeni* [National historical thought in the Soviet time]. IN: *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. Ed. by K. Aymermacher, G. Bordiugov. – M.: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – P. 21-72. (In Russian)

BULAKHTIN M.A. *Politika istoricheskoi pamyati v sovremennoi Pol'she* [The policy of historical memory in modern Poland]. IN: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2019. – Vol. 3. – No 4. – P. 449-458. DOI: [10.35634/2587-9030-2019-3-4-449-458](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-4-449-458)* (In Russian)

FRIEDMAN J. History, Political Identity and Myth. IN: *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41-62.* (In English)

GALKINA I.U.M. *Kommemorativnye praktiki pyatidesyatiletija pervoi mirovoi voyny vo Frantsii (1964-1968)* [Commemorative practices of the fiftieth anniversary of World War I in France (1964-1968)]. IN: *Klio. – 2019. – No 8 (152). – P. 66-75.* (In Russian)

GRITSAK IA. *Ukrainskaya istoriografiya. 1991 – 2001. Desyatiletie peremen* [Ukrainian historiography. 1991–2001. A Decade of Changes]. IN: *Ab Imperio. – 2003. – No 2. – P. 423-454. DOI: [10.1353/imp.2003.0084](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0084)* (In Russian)

HRYTSAK Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine. IN: *Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 229-254. DOI: [10.1353/imp.2004.0033](https://doi.org/10.1353/imp.2004.0033)* (In English)

Istoricheskaya politika XXI veka: sbornik statei [The historical policy of the XXI century: collection of articles]. Ed. by A. MILLER, M. LIPMAN. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 p. (In Russian)

IVANESKO A.E., URUSHADZE A.T. *Past indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze* [Past indefinite: historical memory and politics in the North Caucasus]. IN: *Novoe proshloe. The New Past. – 2018. – № 3. – P. 186-190. DOI: <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190>* (In Russian)

KIRCHANOV M.V. *Istoricheskaya politika. politika pamyati i voyna s pamyatnikami v SShA* [Historical politics. Politics of memory and war with monuments in the USA]. IN: *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. – 2017. – No 12 (576). – P. 63-75.* (In Russian)

KIRCHANOV M.V. *Tyurkizm kak paradigma turetskoi istoricheskoi politiki* [Turkism as a paradigm of Turkish historical politics]. IN: *Problemy sotsial'nykh i gumanitarny. – 2019. – No 4 (21). – P. 64-74.* (In Russian)

KUSKO A., TAKI V. «Kto my?» *Istoricheskii vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost'* [“Who are we?” Historical choice: Romanian nation or Moldavian statehood]. IN: *Ab Imperio. – 2003. – No 1. – P. 485-495. DOI: [10.1353/imp.2003.0100](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0100)* (In Russian)

LINDNER R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus. IN: *Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631-647. DOI: <https://doi.org/10.1080/009059999108867>* (In English)

LINDNER R. *Niazmiennasé i zmieny ŭ postsavieckaj historyjahrafii Bielarusi* [The constancy and change in post-Soviet historiography Belarus]. IN: *Biellarusika. Albaruthenica. – Mn., 1997. – Vol. 6. – Part 1. – P. 114-118.* (In Belarusian)

SHNIREL'MAN V.A. *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Wars of memory: myths, identity and politics in Transcaucasia]. – M.: IKTs «Akademkniga», 2003. – 592 p. (In Russian)

SMITH A.D. Nationalism and the Historians. IN: *International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – Vol. 33. – Iss. 1-2. – P. 58-80. DOI: <https://doi.org/10.1163/002071592X00059>* (In English)

USMANOVA D. *Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov* [Creating the national history of the Tatars: historiographic and intellectual debates at the turn of the century]. IN: *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – P. 337-360. DOI: [10.1353/imp.2003.0072](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0072) (In Russian)

VARNAVSKII P. *Granitsy sovetskoi buryatskoi natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926 – 1929 gg. v proektakh natsional'noi intelligentsii i natsional-bol'shevikov* [Borders of the Soviet Buryat nation: national-cultural construction in 1926-1929 in the projects of the national intelligentsia and the national Bolsheviks]. IN: *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 149-176. DOI: [10.1353/imp.2003.0074](https://doi.org/10.1353/imp.2003.0074) (In Russian)